

УДК 347.412.1

НАТУРАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В ГЕРМАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ

Л.Ю. Василевская

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
г. Москва, 125993, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются особенности правовой конструкции натуральных обязательств в германском законодательстве и доктрине. На основе анализа различных подходов германских цивилистов к решению обозначенной проблемы автор обосновывает свою позицию относительно правовой природы натуральных обязательств, выделяя их основные признаки. В работе даётся объяснение того, почему в отличие от классических обязательств натуральное обязательство рассматривается как «несовершённое обязательство» (*unvollkommene Verbindlichkeit*). Исследуя структуру натурального обязательства, автор выделяет в праве требования (*Forderung*) его основные элементы (правопримязания), посредством которых оно может быть реализовано без судебного принуждения. Подчёркивается, что при отсутствии законодательно закреплённого перечня оснований возникновения натуральных обязательств и их видов значительная роль в признании за правоотношением характера натурального обязательства принадлежит доктрине и судам. На основе анализа доктринальных источников автор выделяет две основные формы натуральных обязательств (институциональную и неинституциональную), рассматривает их особенности. Различные формы и виды натуральных обязательств свидетельствуют о достаточно широком подходе современных германских цивилистов к пониманию сути натурального обязательства как гражданско-правового обязательства или иного правоотношения, основанного на моральном долге.

Ключевые слова: натуральное обязательство, несовершённое обязательство, кредитор, должник, исполнение обязательства, защита субъективных прав, право требования, обязанности, принуждение, обеспечение исполнения обязательства

В настоящее время по различным проблемам натуральных обязательств, или *obligatio naturalis*, опубликовано немало статей, защищено несколько кандидатских диссертаций, но их смысл и содержание, за редким исключением, сводится к комментированию отдельных положений римского частного права, гражданского права и судебной практики некоторых зарубежных государств, что не даёт целостного представления ни о структуре натурального обязательства, ни о его конститутивных признаках, видах и особенностях. Вместе с тем правоприменительная практика повседневно сталкивается с проблемами, которые нельзя разрешить, заглянув в очередной комментарий. Для этого требуются серьёзные теоретические познания, касающиеся истории развития соответствующих институтов,

их места среди других гражданско-правовых категорий, понимания значения соответствующих правовых норм и возможных последствий их применения к регулируемым отношениям. А в судебно-арбитражной практике Российской Федерации проблемы, связанные с натуральными обязательствами, зачастую не получают надлежащего разрешения ввиду отсутствия соответствующей законодательной базы и должного теоретического осмыслиения. В этой связи обращение к германскому опыту регламентации натуральных обязательств заслуживает особого внимания, поскольку Германское гражданское уложение (*Bürgerliches Gesetzbuch*, BGB) (далее – ГГУ) в качестве одного из центральных законодательных актов ФРГ является, как известно, наиболее близким для отечественного правопорядка.

Переводной литературе по данной проблеме «повезло» меньше всего, хотя потребность в ней совершенно очевидна. Попытка российских юристов, даже при безупречном знании немецкого языка, отразить суть конкретного правового феномена в германском праве порой оборачивается искажением сущности рассматриваемого понятия. Для формирования беспристрастного подхода и объективного восприятия германских нормативных правовых источников и литературы необходим элементарный багаж знаний по всей системе права ФРГ, поскольку в процессе перевода определённых терминов с немецкого языка на русский есть реальная опасность невольно рассмотреть право иностранного государства с точки зрения собственных национальных правовых традиций и особенностей. На наш взгляд, это и происходит с переводом германских текстов по натуральным обязательствам.

В числе особых терминов, имеющих непосредственное отношение к раскрытию сути натуральных обязательств, можно указать *обязательство*. Определённые трудности в его понимании связаны с многозначностью немецкого понятия *Schuld*, которое переводится на русский язык и как «обязанность», и как «вина должника»¹, образуя вместе с тем и основу для наименования конкретного вида правоотношений – «обязательственные отношения» (*Schuldverhältnisse*). В последнем случае *Schuld* в сочетании с *Verhältnisse* нередко переводится на русский язык как «обязательства».

При всём том в германской доктрине для раскрытия сущности натурального обязательства применяют другой термин – *Verbindlichkeit*, который в нашей литературе переводится чаще всего как «обязательство»². При этом, в отличие от классических обязательств, натуральное обязательство рассматривается как «несовершённое обязательство» (*unvollkommene Verbindlichkeit*). А поскольку для российского юриста понятие *обязательство* означает относительное правоотношение, автоматически, без учёта тонкостей германской доктрины делается вывод о том, что натуральное обязательство – всегда правоотношение, относительное по своей сути, одна из разновидностей обязательств, основанием возникновения которой является сделка. Например, А.Г. Федотов, автор, работы которого по натуральным обязательствам, на наш взгляд, следует особо выделить, анализируя германские источники, заявляет, что «натуральные обязательства представляют собой обязательства, основанные на сделках с устранимыми пороками воли» [1,

---

¹ http://universal_de_ru.academic.ru/457541/Schuld

² http://universal_de_ru.academic.ru/547750/Verbindlichkeit

с. 34]. А в другой работе он пишет: «Натуральное обязательство представляет собой “гибрид” реальной сделки и бесспорного обязательства» [2, с. 100].

Однако в германском праве основанием возникновения натуральных обязательств не всегда являются сделки. Так, Г. Шульце в фундаментальном труде, посвящённом натуральным обязательствам, говорит о том, что эти обязательства возникают не только на основании договоров, но и в силу закона [3, S. 265]. Это означает, что несовершённое обязательство (*unvollkommene Verbindlichkeit*) не всегда можно классифицировать как договорное обязательство, так как договор является лишь одним из многочисленных оснований, порождающих обязательство.

Чтобы правильно понять суть натуральных обязательств, следует иметь в виду, что понятие *обязательственное отношение* используется в германском праве в двух значениях – широком и узком (собственном) смысле. По мнению Я. Шаппа, необходимо учитывать, что в широком смысле это правоотношение, в узком – обязательственное правоприменение (“*den schuldrechtlichen Anspruch als Schuldverhältnis im engeren Sinne*” [4, S. 41]) (см. также [5, S. 9–11]). Такое двойное понимание обязательственных отношений он объясняет доктринальным способом при создании ГГУ: рассматривать систему частного права как систему прав³ или как систему правоотношений (“*ob das Privatrechtssystem als System der Rechte oder als ein System der Rechtsverhältnisse zu konzipieren sei*” [4, S. 41])? Точки в споре поставлено не было, а понимание обязательственных отношений в широком и узком (собственном) смысле осталось. Кроме того, первое (широкое) значение понятия указывает на источник предоставления (субъективных) прав кредитору, а второе (узкое) – на само субъективное право [4, S. 41].

В собственном (узком) значении рассматриваемое понятие дано в § 241 (1) BGB, в соответствии с которым в силу обязательственного отношения кредитор *вправе требовать* от должника *совершить* (выделено нами. – Л.В.) исполнение (*Leistung*). В учебной литературе по обязательственному праву отмечается, что в широком смысле обязательственное отношение есть особая правовая связь (*Sonderverbindung*) между определёнными лицами со всеми возникающими правоприменениями (*Ansprüche*) и правами, а также основными и дополнительными обязанностями. Обязательственное отношение в узком (собственном) смысле – это отдельное правоприменение, возникающее из особой правовой связи (*Sonderverbindung*) между кредитором и должником, то есть из обязательственного отношения в широком значении (“*Schuldverhältnis im engeren Sinne – einzelner aus der Sonderverbindung erwachsender Anspruch*” [5, S. 10]). Правоприменение (*Anspruch*) как обязательственное отношение в узком смысле возникает между кредитором и должником на различных стадиях развития обязательственного отношения в широком смысле. При этом обязательственное отношение в широком значении может состоять из множественности обязательственных отношений в узком смысле (“*Das Schuldverhältnis im weiterem Sinne kann aus mehreren Schuldverhältnissen im engeren Sinne bestehen*” [5, S. 11]). Кроме того, обязательственное отношение в широком значении не всегда порождает обязанность должника к исполнению. Так, Я. Шапп отмечает, что в § 241 (2)

³ Речь идёт о субъективных правах. – Л.В.

BGB понятие *обязательственное отношение* может иметь только широкий смысл, так как обязанность сторон учитывать права, правовые ценности и интересы контрагента не сопровождается никаким обязательственным правопримитязанием [4, S. 42]. В качестве классического примера, когда обязательственное отношение в широком смысле не порождает обязанность должника к исполнению, можно привести натуральное обязательство.

Итак, можно сделать некоторые выводы. Понимание обязательственного отношения в широком смысле (по германскому праву) совпадает с трактовкой обязательства как относительного правоотношения по российскому праву (ст. 307 ГК РФ), хотя в германском законодательстве термин *Obligation* («обязательство») для характеристики обязательственного отношения в широком значении не используется. В учебной литературе и юридических словарях *Obligation* используется как синоним понятий «обязанность», «долг» (*Schuld, Pflicht*) (см., например, [6, S. 1207]). С точки зрения устоявшихся в доктрине представлений обязательственное отношение в узком смысле есть не обязательство, а конкретное правопримитязание (*Anspruch*). Только на основании притязания должник является обязанным по отношению к кредитору. Обязательство (обязанность) должника (*Obligation, Pflicht*) не рассматривается в доктрине в качестве обязательственного отношения ни в широком, ни в узком значении.

Подчеркнём ещё раз: в германской доктрине понятие «обязательство» (*Obligation*) рассматривается только в одном значении – как обязанность должника. В широком и узком смысле фигурирует только «обязательственное отношение».

Наряду с *Anspruch* в системе частного права выделяется также *Forderung*, оба понятия переводятся на русский язык одинаково: «требование», «право требования»⁴. Для понимания сущности натуральных обязательств важно понимать суть и необходимость разграничения указанных терминов. В этой связи заметим, что без учения о правопримитязаниях невозможно разобраться ни в договорах, ни в обязательствах в германском праве. Дадим некоторые пояснения.

Разграничение понятий *Anspruch* и *Forderung* представлено в ГГУ, где предусмотрено выполнение ими различных функций. Так, в § 241 (1) BGB речь идёт о требовании (*Forderung*) как основном правомочии (субъективного гражданского права), выделяемом в обязательстве, понимаемом в широком смысле слова, а в § 194 (1) BGB – о требовании (*Anspruch*), понимаемом германским законодателем как правопримитязание, то есть право управомоченного лица потребовать от другого лица совершение юридически значимое действие [7, S. 30–31]. Говорится о различных правопримитязаниях как элементах требования (*Forderung*). В зависимости от конкретных действий (или бездействия) должника, связанных с исполнением обязанности (обязательства), а также специфики обязательственного отношения в широком смысле (например, договорного обязательства) кредитор может использовать достаточно широкий арсенал правопримитязаний. Например, предоставление должником дефектного исполнения в договоре купли-продажи или договоре подряда порождает правопримитязание кредитора на доработку или довыполнение (*Nacherfüllung*) на основании § 437 (1), 439, 634 (1),

---

⁴ http://universal_de_ru.academic.ru/26075/Anspruch; http://universal_de_ru.academic.ru/180029/Forderung

635 BGB. В случае просрочки исполнения должника кредитор получает право-притязание на возмещение вреда от просрочки (§ 280 (1–2), 286 BGB). Если должник предоставит исполнение ненадлежащим образом, то есть исполнение с изъянами, то кредитор при определённых предпосылках имеет правопритязание на возмещение вреда вместо исполнения (§ 280 (1, 3), 281 (1) BGB). При нарушении обязанности должной заботливости, добросовестного или осмотрительного поведения (“*bei Verletzung von Sorgfaltspflichten*”) кредитор при определённых предпосылках имеет правопритязание простого возмещения вреда на основании § 280 (1) BGB. Однако в любом случае основным правопритязанием (*Anspruch*) кредитора является притязание на исполнение должником своей обязанности (обязательства), которое применительно к обязательственному отношению в широком смысле выступает основным элементом права требования (*Forderung*), раскрывающим сущность последнего. При переводе текста § 194 и 241 BGB на русский язык, где речь идёт о *Anspruch* и *Forderung*, суть различий указанных понятий российскому юристу не будет ясна, так как перевод даётся лишь через одно понятие – *требование* (ГГУ, с. 37, 48). Следовательно, не будет понятен смысл выделения в германском праве обязательственных отношений в широком и узком смысле.

Итак, из обязательства (обязательственного отношения в широком смысле) рождаются и обязательственные правопритязания (*Ansprüche*), которые по своей природе являются относительными. Это значит, что всегда при рассмотрении обязательств необходимо выделять два относительных права, одно из которых раскрывает суть субъективного гражданского права в обязательстве – это право требования (*Forderung*), а другое, будучи также относительным правом, является правопритязанием (*Anspruch*) – элементом требования (*Forderung*).

Как соотносятся эти два различных относительных права, непосредственно вытекающих из обязательства и переводимых в нашей литературе одним термином *требование*? Право требования (*Forderung*) как основное правомочие субъективного права в обязательстве, на наш взгляд, можно структурировать и представить в виде некоего возможного и определяемого законом набора правопритязаний (*Ansprüche*), что конкретно проявляется в действиях кредитора по отношению к должнику. А значит, можно рассматривать правопритязание (*Anspruch*) как проявление субъективного права уполномоченного лица в каждый конкретный момент его взаимодействия с должником.

Итак, понятие «правопритязание» (*Anspruch*) является ключевым в системе обязательственного права ФРГ, без него сложно понять суть и натурального обязательства. Нарушение субъективного права влечёт за собой действия кредитора по реализации правопритязания в защите своего субъективного права и (или) возмещению вреда (*Abwehr- und Schadenersatzansprüche*). Относительность обязательственного правопритязания констатирует факт установления правовой связи между кредитором и должником посредством притязания, выполняющего функцию правового последствия в случае нарушения должником своей обязанности (обязательства) по исполнению.

Обратим внимание: определяя натуральное обязательство как *unvollkommene Verbindlichkeit* («несовершённое обязательство»), германская доктрина не использует термин *Verbindlichkeit* для понимания обязательственных отношений

в широком смысле, этот термин не применяется и для характеристики классических обязательств.

В одном из авторитетных изданий – юридическом словаре К. Крайфельдса – при объяснении понятия обязательственных отношений термин *Verbindlichkeit* рассматривается как синоним *Schuld*, *Obligation* [6, S. 1207]. Аналогичное понимание находим в учебной литературе, где понятия *Verbindlichkeit* и *Pflicht* («обязанность») отождествляются: “Mit der Forderung des Gläubigers korrespondiert die Pflicht des Schuldners, die sogenante Verbindlichkeit” («Праву требования кредитора корреспондирует обязанность должника, так называемая *Verbindlichkeit*»⁵) [8, S. 1].

Понимание *Verbindlichkeit* как обязанности находим, например, в § 14 (2) BGB, где говорится о правоспособном товариществе (*rechtsfähige Personen-gesellschaft*), то есть его способности приобретать права и принимать на себя обязанности (ГГУ, с. 2). Термин «обязанности» законодатель обозначает как *Verbindlichkeit* (“Rechte zu erwerben und Verbindlichkeiten einzugehen”).

В § 762 BGB, посвящённом такой разновидности натуральных обязательств, как обязательство из игр или пари, термин *Verbindlichkeit* также рассматривается как обязанность (обязательство) должника. Так, в абз. 2 указанного параграфа речь идёт о том, что предписания абз. 1 применяются к соглашению, по которому *проигравшая сторона* с целью исполнения возникшего долга из игры или пари *примет на себя обязательство перед выигравшей стороной* (выделено нами. – Л.В.), в частности о признании долга (ГГУ, с. 227) (“der verlierende Teil zum Zwecke der Erfüllung einer Spiel- oder Wettschuld dem gewinnenden Teil gegenüber eine Verbindlichkeit eingeht, insbesondere für ein Schuldanerkenntnis”).

Для чего обязанность должника в германской доктрине и законодательстве определяется через несколько понятий? Российский юрист, не владеющий в совершенстве немецким юридическим (!) языком оригинала, не сможет уловить тонкости германской доктрины. Термин *Verbindlichkeit* выводится как обязанность должника только с одной целью – обратить внимание на связность обязанности с правоприменением. Не случайно *Verbindlichkeit* (существительное) имеет общий корень *-verbind-* с глаголом *verbinden* ‘связывать, соединять’⁶. Ранее отмечалось, что только на основании правоприменения (обязательственного отношения в узком смысле) должник является обязанным по отношению к кредитору. Только вследствие правовой связи *Anspruch* – *Verbindlichkeit* можно говорить об обязательственном отношении в узком значении: правоприменению (праву требования) кредитора корреспондирует обязанность должника совершить исполнение. Как видим, *Verbindlichkeit* – это обязанность, всегда юридически связанная с *Anspruch*. Именно поэтому элементом обязательственного отношения в узком значении является не просто обязанность (*Pflicht*), а именно обязанность (*Verbindlichkeit*), корреспондирующая правоприменению (*Anspruch*).

В зависимости от правоприменения, его содержания, от возможности (или невозможности) кредитора использовать доступный для него арсенал правовых средств (включая и внешнее (государственное) принуждение посредством судебной защиты), используемый в целях стимулирования должника к исполнению,

---

⁵ Здесь и далее перевод наш. – Л.В.

⁶ http://universal_de_ru.academic.ru/547740/Verbinden

эта обязательственная связь *Anspruch – Verbindlichkeit* будет полной, совершенной или усечённой, несовершённой. Если правоприменение кредитора исключает внешнее принуждение должника к исполнению, налицо особая персонифицированная связь между кредитором и должником – обязательственное отношение в узком смысле, то есть *Anspruch*, исключающее для должника исполнение обязанности посредством судебного решения. Именно в этих целях использование понятия *Verbindlichkeit* вместе с прилагательным *unvollkommen* (*unvollkommene Verbindlichkeit*), а не понятий *Pflicht* или *Schuld* даёт возможность понять специалисту, что говорится об обязательстве (обязанности) должника, которому противостоит правоприменение (*Anspruch*) кредитора, имеющего возможность использовать только механизм внесудебного принуждения должника к исполнению своего обязательства (обязанности). Именно поэтому, когда речь идёт о *unvollkommene Verbindlichkeit*, его следует понимать как несовершённое обязательство (обязанность) должника, то есть его неисковое обязательство, натуральное по своей природе. Очевидно, в этом случае кредитор рассчитывает на добросовестность должника и добровольность исполнения им его обязательства (обязанности).

Этимология термина *naturalis*⁷ до сих пор остаётся не изученной в полной мере. Так, одни авторы считают, что понятие было заимствовано из терминологии греческих философов (в частности, Аристотеля), которые различали явления, существующие в силу власти (закона), и явления, порождённые самой природой. Соответственно и право, согласно учению Аристотеля, также подразделяется на естественное и положительное. Отправной идеей о возникновении натуральных обязательств (*obligatio naturalis*) было представление о том, что натуральные обязательства основаны на естественном праве (*jus naturale*) – праве нравственном и справедливом, «законе, лежащем в самой человеческой природе» [9, с. 6], праве, установившем естественный разум для всех людей и народов. Другие учёные, как, например, Г. Пухта, отмечали, что термин *naturalis* применительно к обязательству указывал прежде всего на происхождение обязательства не из *jus civile* (цит. по [10, с. 19–20]).

Рассматривая обязательственную связь *Anspruch – Verbindlichkeit* или *Anspruch – unvollkommene Verbindlichkeit*, мы, по сути, имеем дело с правовым явлением, раскрываемым отдельно как с точки зрения кредитора, так и с позиций должника. С точки зрения кредитора эта связь характеризуется как обязательственное отношение в узком смысле – правоприменение (*Anspruch*), но с позиций должника эту связь можно рассматривать как обязательство (обязанность), то есть *Verbindlichkeit*, связанное с *Anspruch*, или как несовершённое обязательство (обязанность), то есть *unvollkommene Verbindlichkeit*, корреспондирующее правоприменению (*Anspruch*).

Таким образом, наличие связи *Anspruch – unvollkommene Verbindlichkeit* свидетельствует о том, что существует обязательственное отношение в узком значении, рассматриваемое с позиций кредитора как правоприменение, а с точки зрения должника – как несовершённое (натуральное) обязательство. Возникает

⁷ В латыни: *naturalis, e* – естественный, созданный природой; натуральный, соответствующий законам природы и др. (<http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=29087>).

вопрос: почему обязательственное отношение в узком смысле рассматривается в германской литературе как правопримитязание кредитора, а не как обязательство (обязанность) должника? Ответ очевиден: обязанность – это мера юридически необходимого поведения, установленная для удовлетворения интересов уполномоченного лица. Обязанность – гарантия осуществления субъективного права посредством правопримитязания. Поэтому определённая обязанность (исполнения, возмещения ущерба, уплаты штрафа и прочее) должника рождена конкретным правопримитязанием кредитора. В этом плане можно с определённой долей условности говорить о первичности правопримитязания кредитора, то есть обязательственного отношения кредитора к должнику посредством правопримитязания на совершение юридически значимого действия должником. Кроме того, не следует забывать, что чёткость, характерная для пандектного права и нашедшая отражение в германской правовой системе, достигается при помощи жёсткой взаимосвязи права требования и долга (обязанности). Принципы традиции (*Traditionsprinzip*) и разъединения (*Trennungsprinzip*) предполагают не только расчленение сложных обязательственных отношений между сторонами на несколько простых, но и отделение обязательственного отношения, обуславливающего порождение соответствующих обязанностей у сторон, от обязательственного отношения, направленного на само исполнение (см. [11, с. 15–17]). С этих позиций, на наш взгляд, следует анализировать любую обязательственную конструкцию в германском праве.

Таким образом, если рассматривать обязательственное отношение в узком и широком значении с позиций должника, то нас будут интересовать вопросы об обязательстве (обязанности) должника: исполнение им обязательства (обязанности); механизм, посредством которого кредитор стимулирует должника к исполнению; принципы исполнения и др. Кроме того, ранее обозначалось, что обязательственное отношение в широком значении (обязательство) является источником как обязательственного притязания (*Anspruch*), так и обязанности (обязательства) должника. А значит, термин *натуральное обязательство* можно использовать не только применительно к обязанности должника, но и к пониманию сути обязательственного отношения в узком (*Anspruch*) и в широком смысле (*Naturalobligation*) [3, S. 431–432].

Покажем действие рассмотренных выше правил германской доктрины на конкретном примере. В § 762 (1) BGB (разд. 19 ГГУ «Несовершённые обязательства») состоит из двух параграфов – 762 и 763) законодатель устанавливает: “Durch Spiel oder durch Wette wird eine Verbindlichkeit nicht begründet. Das auf Grund des Spieles oder der Wette Geleistete kann nicht deshalb zurückfordert werden, weil eine Verbindlichkeit nicht bestanden hat”. («Обязательство из игры или пари не устанавливается. Предоставленное на основании игры или пари не может быть истребовано к возврату, поскольку обязательство не существует» (ГГУ, с. 227).)

Обратим внимание: законодатель использует здесь термин *Verbindlichkeit*, то есть речь идёт об обязанности (обязательстве) должника. Российский юрист, не знающий специфики германской системы частного права, может исказить смысл нормы и понять её так, что обязательство, иными словами, относительное правоотношение, из игры или пари не возникает, хотя говорится здесь во все не об этом. Игра или пари не порождают обязательства (обязанности)

должника. Отсюда из игры или pari не возникает притязания на исполнение. Отсутствие, небытие (*Nichtbestehen*) притязания на исполнение в данном случае вызвано конкретной причиной. Несмотря на то что игра или pari состоялись, то есть возникло обязательственное отношение в широком смысле (обязательство), действие обязательственной связи (обязательственного отношения в узком смысле) *Anspruch – Verbindlichkeit* на основании особого законодательного предписания погашено, в результате чего обязанность (обязательство) должника не возникает (“*eine Verbindlichkeit nicht begründet*”).

Очевидно, в этом случае говорится лишь о возможности добровольного исполнения обязательства должником. Кроме того, кредитор может использовать достаточно широкий арсенал предусмотренных законом правовых средств, помогающих ему стимулировать должника к добровольному и добросовестному исполнению. С помощью иных притязаний (не следует забывать, что обязательственное отношение в широком смысле есть совокупность разнообразных притязаний) кредитор может успешно реализовать собственный интерес посредством игры или pari.

Перед нами проступает, как видим, достаточно сложный механизм правовых связей между кредитором и должником, и он не подпадает под дефиницию классического обязательственного отношения ни в широком, ни в узком смысле. Речь идёт о натуральном обязательстве (*Naturalobligation*). Однако термин *Naturalobligation*, широко используемый в доктрине и учебной литературе, не применяется в законодательстве.

Почему для натуральных обязательств законодатель не использует в ГГУ термин *Schuldverhältnisse* («обязательственные отношения»), который традиционно используется для характеристики гражданско-правовых обязательств? Г. Шульце отмечает: многолетняя дискуссия об интеграции норм о натуральных обязательствах в чн. 2 ГГУ «Обязательственное право» (“Recht der Schuldverhältnisse”) обернулась тем, что законодатель, хотя и признавал правовую конструкцию натуральных обязательств, тем не менее не счёл необходимым использовать применительно к ней термин *Schuldverhältnisse* («обязательственные отношения»). В силу сложности понимания натуральных обязательств и отсутствия единства взглядов на трактовку их сущности законодатель ограничился применением термина *unvollkommene Verbindlichkeit*, что сказалось и на расположении норм о натуральных обязательствах в ГГУ: в нём нет специального раздела, посвящённого натуральным обязательствам [3, S. 432–433]. Такое юридико-техническое «несовершенство» ГГУ проявилось в том, что нормы о натуральных обязательствах разбросаны по всей второй книге ГГУ. В разд. 26 ГГУ «Неосновательное обогащение» (“Ungerechtfertigte Bereicherung”) законодатель предусмотрел правило, согласно которому то, что было предоставлено с целью исполнения обязательства, не может быть истребовано к возврату, если исполнение было связано с нравственным долгом или соблюдением приличий (§ 814 BGB)⁸. А в разд. 19 ГГУ «Несовершённые обязательства» (“Unvollkommene Verbindlichkeiten”) содержатся нормы об обязательствах из игры или pari

⁸ В доктрине можно встретить различное толкование данной нормы (см. [12, S. 1194–1196]), что свидетельствует о широком подходе к пониманию сути натуральных обязательств.

(§ 762 BGB) и нормы об обязательствах из договора о лотерее или розыгрыше (§ 763 BGB).

Итак, в германской доктрине вопросы о сущности, конститутивных признаках, исполнении, основаниях прекращения, способах обеспечения исполнения натуральных обязательств (подробнее см. [13]) остаются спорными. Однако у юристов не вызывает сомнения включение двух основных признаков, известных ещё в римском праве, в понятие *натуральное обязательство*. Речь идёт об отсутствии обеспечения субъективных прав сторон натурального обязательства принудительной силой государства *посредством судебной защиты*:

1) отказ кредитору в защите его имущественных прав требования в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником его обязанности по обязательству;

2) невозможность должнику требовать исполненное обратно.

Рассматривая структуру натурального обязательства, исследователи выделяют в праве требования (*Forderung*) его основные элементы (правоприменения), посредством которых оно может быть реализовано без судебного принуждения. При этом в литературе особо подчёркивается, что принуждение (*Zwang*) в гражданском праве в отличие от публичных отраслей права имеет основной целью защиту субъективного права прежде всего не посредством государственного принуждения (то есть внешних механизмов принуждения по отношению к субъективному праву правообладателя), а с помощью внутренних резервов самого субъективного права правообладателя, реализуемых через действенный механизм правоприменения (*Anspruch*) [14, S. 161, 169]. Поэтому, по мнению многих авторов, во-первых, использование термина *unvollkommene Verbindlichkeiten* («несовершённые обязательства») в ГГУ в наименовании разд. 19 кн. 2 «Обязательственное право» применительно к натуральным обязательствам вряд ли следует признать удачным [3, S. 269].

Во-вторых, принуждение должника к предоставлению (*Leistung*), к выполнению своих обязанностей совершить предоставление (*Leistungspflichten*) в натуральном обязательстве посредством правоприменения (*Anspruch*) свидетельствует о том, что между кредитором и должником возможно установление особой правовой связанности (*rechtliche Gebundenheit*), которая возникает благодаря *Gestaltungsrecht* – конститутивному праву, праву на изменение правоотношения⁹. Достаточно часто в нашей литературе *Gestaltungsrecht* переводится как «преобразовательное право» или «секундарное право» (см., например, [15, с. 266–269]). По мнению Л. Эннекеруса, это так называемое право «на установление и изменение права» [16, с. 136]. По сути, речь идёт о таком правомочии, как право требования (*Forderung*), реализация которого даёт возможность кредитору посредством одностороннего акта (*durch einseitigen Akt*) изменить или прекратить существующее между ним и должником правоотношение. Говорится о такой связанности кредитора и должника, когда, например, в силу договорного обязательства, натурального по своей природе, должник, против которого направлено такое право (*Gestaltungsrecht*) кредитора, обязан принять обусловленное этим правом правовое изменение обязательства. Суть данной связанности состоит в том,

---

⁹ <http://translate.academic.ru/Gestaltungsrecht/xx/ru/>

что кредитор может понудить должника к изменению или прекращению существующего правоотношения, несмотря на отсутствие воли последнего [17, S. 204]. В этом случае должник принуждается претерпевать определённые действия кредитора. В германском праве эта конструкция претерпевания, вынужденного ограничения прав субъекта, обязанности претерпевать что-либо (*Pflicht zu dulden*) рассматривается не только как обязанность на воздерживание от каких-либо действий (*Unterlassungspflicht*) со стороны должника, но и как его обязанность не препятствовать кредитору совершать определённые действия.

Применительно к натуральному обязательству *Forderung* («право требования») выступает как *Gestaltungsrecht* (см. [3, S. 461–463; 18, S. 106]), то есть право кредитора, свидетельствующее об особом характере связи между кредитором и должником (*rechtliche Gebundenheit*), при которой у должника возникают специфические обязанности (*Pflicht zu dulden*), неизвестные российскому праву. Примерами таких прав (*Gestaltungsrechte*) могут, например, выступать право выбора в альтернативном обязательстве (§ 262 BGB), право на отказ от договора (§ 312, 325, 326, 346, 485, 495 BGB) и др.

Отсутствие в натуральном обязательстве обеспечения субъективного права кредитора принудительной силой государства, как видим, рождает такую модель поведения кредитора, в которой реализация его субъективного права происходит посредством не только правомочия требования (правопритязаний), но и правомочия на собственные действия, типичного для субъективного права собственности. Очевидно, если кредитор не вправе принудить должника к исполнению в судебном порядке, он вынужден совершать те действия, которые стимулировали бы должника к исполнению. В германском праве правомочие на собственные действия реализуется прежде всего с помощью одностороннего акта (*durch einseitigen Akt*), осуществления односторонних действий.

Кроме того, при рассмотрении указанной выше правовой связанности (*rechtliche Gebundenheit*) следует иметь в виду, что юридические обязанности могут возникать и без своей «пары» – субъективного права, то есть юридические обязанности возникают непосредственно из норм закона, которые предписывают совершение лицом определённого действия без возникновения на такое действие у управомоченного лица определённого субъективного права (см. [17, S. 203]). В ГГУ содержится достаточно большой арсенал установлений, предписывающий или запрещающий определённое поведение субъектам права и созданный законодателем в целях защиты субъективных прав правообладателей и предотвращения опасности нарушения прав третьих лиц и общественных интересов. Соблюдение таких правил обеспечивается посредством установления санкций: возложения ответственности, уплаты штрафов, возмещения вреда в случае нарушения прав управомоченного лица (см., например, § 823 BGB) и др. Именно эти санкции вправе применять кредитор, осуществляя правомочие на защиту. Очевидно, правомочие на защиту не ограничивается использованием государственно-принудительных мер, а включает достаточно широкий арсенал возможностей действия, связанный с различными способами защиты субъективного права кредитора, включая и самозащиту права.

Вместе с тем следует обратить внимание на особый вид обязанностей – *Obliegenheit*, который имеется у должника натурального обязательства и который

необходимо отличать от *Pflicht* («обязанность»). В нашей литературе этот термин часто переводят не как «обязанность» или «обязательство» должника¹⁰, а как «долженствование» (см. [15, с. 269–270] и др.), что сделано в целях обособления некоторых обязанностей и выведения их из-под режима обязанностей, входящих в содержание обязательственного правоотношения. В данном случае речь идёт об обязанностях соблюдения требований определённого поведения, определённого действия (*Verhaltensanforderungen*), совершение которого находится в интересах осуществляющего его лица. Особенность этих обязанностей проявляется в том, что их нарушение не порождает у кредитора *Anspruch* – притязание на исполнение или притязание на возмещение убытков. Смысл соблюдения этих специфических обязанностей заключается в предотвращении неблагоприятных правовых последствий для лица, обязанного их претерпевать (см., например, § 254 (1), 377 BGB).

Механизм использования принуждения в германском гражданском праве применительно к натуральным обязательствам имеет свои особенности – охранные нормы, где предусмотрены санкции (за правонарушения), которые рассматриваются в доктрине как одна из форм легитимации принуждения (*Zwangslegitimation*) [3, S. 413–414]. Видимо, не случайно А. Лундштедт, критикующая классическое понимание обязательства, рассматривал его с позиций ответственности, считал субъективное право и юридическую обязанность в обязательстве искусственными конструкциями и обосновывал позицию, согласно которой за обязательством стоит не что иное, как угроза санкциями [19, S. 134–136].

Итак, судебное принуждение – основной, но не единственный способ осуществления принуждения. Кредитор, обладая достаточно действенным арсеналом средств нормативного принуждения, закреплённого в ГГУ, вправе, не прибегая к силе государства в лице судебных органов, использовать механизм внесудебного принуждения. Именно в этом проявляется специфика санкции (натурального обязательства), квалифицируемой в германской и отечественной доктрине как «неполная санкция» или «ослабленная санкция» [3, S. 414–418; 20, с. 83].

В Германии, где отсутствует законодательно закреплённый перечень оснований возникновения натуральных обязательств и их видов, значительная роль в признании за правоотношением характера натурального обязательства принадлежит доктрине и судам. Так, в доктрине выделяются две основные формы натуральных обязательств: институциональная (предписанные законом отношения по исполнению обязанности должником) и неинституциональная (отношения по исполнению обязанности по судебному акту применения права).

В рамках *институциональной формы* для регулирования отношений применяют нормы ГГУ об обязательствах, в частности § 241 BGB (обязанности, вытекающие из обязательств), о договоре, о праве требования (*Forderung*) и др. При этом в доктрине выделяют следующие основания возникновения натуральных обязательств [3, S. 251–261]:

- 1. Договор как основание возникновения *obligatio ex voluntate***
- а) *натуральное обязательство в силу законодательного предписания* (*Naturalobligation kraft gesetzlicher Anordnung*)

---

¹⁰ http://universal_de_ru.academic.ru/369043/Obliegenheit

Речь идёт о договорных обязательствах, которые прямо названы в законе и по которым в силу закона исключено судебное принуждение к исполнению. В эту группу натуральных обязательств входят:

- задавленные обязательства, то есть обязательства, по которым истёк срок исковой давности (§ 214 BGB);
- обязательства из посредничества при заключении брака (§ 656 (1) BGB);
- обязательства из игр и пари (§ 762 BGB);
- обязательства при помолвке (§ 1297 BGB).

б) *натуральное обязательство в силу соглашения*

(*Naturalobligation kraft Vereinbarung; gewillkürte Naturalobligation*)

Возникновение, изменение и прекращение обязательства, в том числе и натурального, происходит посредством заключения договора (§ 311 (1) BGB). Но кредитор, действуя в рамках материально-правовых предписаний о свободе договора, вправе потребовать преобразования классического гражданско-правового обязательства в натуральное. Не исключена также возможность преобразования натурального обязательства в классическое гражданско-правовое обязательство, если это не противоречит законодательным предписаниям и целям. В этом случае договор, на основе которого происходит изменение правоотношения (обязательства в широком смысле) из классического в натуральное, обозначается как «джентельменское соглашение» (*Gentlemen's Agreement*).

Российское право не знает конструкции натурального обязательства, возникающего на основе волеизъявления только одной стороны (кредитора). В германском праве присутствует *gewillkürte Naturalobligation* (дословно: натуральное обязательство в силу «произвола»). Ранее уже отмечалось, что вследствие *rechtliche Gebundenheit* – особой правовой связности кредитора и должника, когда, например, должник (в силу договорного обязательства, натурального по своей природе), против которого направлено особое право (*Gestaltungsrecht*) кредитора, обязан принять обусловленное таким правом правовое изменение обязательства. Суть этой связности состоит в том, что кредитор может принудить, обязать к изменению или прекращению существующего правоотношения, несмотря на отсутствие воли со стороны должника. Именно посредством этого механизма и происходит преобразование одного обязательства в другое.

2. Закон как основание возникновения *obligatio ex lege*

Речь идёт о предусмотренных законом обязательствах, по которым кредитору отказано в судебной защите его имущественных прав требования. В литературе в качестве классического примера приводится погашенное давностью требование по обязательству с истекшим сроком исковой давности (§ 214 BGB). Другой пример: то, что предоставлено ребёнку из имущества родителей (выдел) с учётом его вступления в брак или приобретения им определённого общественного положения, считается (даже при отсутствии обязанности предоставления) дарением (§ 1624 BGB). По мнению многих германских авторов, обязательственное отношение дарения (в широком смысле) не порождает правопримития (*Anspruch*) ребёнка на предоставление выдела (см. [12, S. 1915]). Дарение нельзя рассматривать правовым основанием (*causa*) для выдела, в данном случае – *causa sui generis*. Но законодатель посредством презумпции квалифицировал отношения по предоставлению выдела как дарение. Следовательно, на основании

закона возникло обязательство из дарения, которое по своей природе является натуральным.

Аналогичным образом можно рассматривать и имущественное требование кредитора из предусмотренного законом обязательства в случае несостоятельности (банкротства) должника после утверждённой судом мировой сделки (*nach einem Zwangvergleich*) кредиторов с должником (§ 254 (3) InsO). Анализ § 254 и 301 Положения о несостоятельности (*Insolvenzordnung*, InsO) позволил германским авторам сделать вывод о том, что окончание процесса банкротства или освобождение от возмещения остатка существующего долга не приводят к погашению требований кредиторов и прекращению обязательств должника. Однако оставшееся без удовлетворения требование кредитора может быть обратно преобразовано в подлежащую погашению задолженность. В этом случае должник только вправе признать наличие долга и принять на себя исполнение такого обязательства (*Verbindlichkeit*), но тогда истребование обратно исполненного недопустимо [3, S. 225, 227, 667]. Таким образом, доктрина относит обязательства должника-банкрота к натуральным обязательствам (*unvollkommene Verbindlichkeit*).

В рамках **неинституциональной формы** конкретные, фактические отношения благодаря правоприменительному акту судебного органа приобретают юридическую форму – форму натурального обязательства. В этом случае основанием возникновения натуральных обязательств является *судебный акт*.

Кратко рассмотрим *судебный акт как основание возникновения obligatio ex societate*. Речь идёт об отношениях, основанных на морали, когда исполнение так называемого морального долга (*sittliche Pflicht*) в силу судебного акта становится долгом (обязанностью) юридическим (*rechtliche Pflicht*). В необходимых случаях суд может использовать для своего решения юридико-технический приём законодателя, когда нормы закона регулируют отношения, основанные на морали и нормах приличия. Примером служит, например, дарение, совершённое в силу нравственного долга или ради соблюдения приличий (§ 534 BGB). В силу предписаний закона оно не подпадает под требование о возврате и не подлежит отмене. Другой пример: согласно § 814 BGB предоставленное с целью исполнения обязательства не может быть истребовано к возврату, если исполнитель знал, что он не обязан к исполнению, либо его исполнение было связано с нравственным долгом или соблюдением приличий.

В случае возникновения препятствий в осуществлении прав и обязанностей, основанных на морали, суд в каждом конкретном случае с учётом всех обстоятельств дела принимает решение и квалифицирует их как юридически значимые. Тем самым правоприменительный акт посредством правовой квалификации пре-вращает моральный долг в социальный (*soziale Pflicht*), а моральная связь пре-вращается в социальную, что даёт основание говорить о так называемой социальной морали (*Sozialmoral*). Говорится не о высокой или особой морали, а о том минимуме в представлениях о ценностях, без которого не обходится ни одно цивилизованное общество. Поэтому правоприменительная деятельность судов основывается не только на принципах законности, обоснованности, целесообразности, но и на принципе социальной справедливости. Так, в одном из судебных решений Федерального суда ФРГ (*Bundesgerichtshof*, BGH) относительно применения § 826 BGB отмечалось: “*Durch § 826 BGB macht sich das Gesetz Vorschriften der*

Moral mittelbar zu eigen...” (BGHZ, S. 332). («В § 826 BGB Закон рассматривает предписания морали как свои собственные...») Предписание § 826 BGB гласит: “Wer in einer gegen die guten Sitten verstoßenden Weise einem anderen vorsätzlich Schaden zufügt, ist dem anderen zum Ersatz des Schadens verpflichtet”. («Лицо, которое умышленно причинит другому лицу вред способом, противоречащим добрым нравам, обязано возместить причинённый вред» (ГГУ, с. 240).) Аналогичный подход законодателя отражён в § 157 BGB применительно к толкованию договора: “Verträge sind so auszulegen, wie Treu und Glauben mit Rücksicht auf die Verkehrssitte es erfordern”. («Договоры следует толковать в соответствии с требованиями добной совести, принимая во внимание обычай оборота» (ГГУ, с. 30).) Согласно § 242 BGB должник обязан осуществлять исполнение своей обязанности по обязательству с позиций добной совести (“Der Schuldner ist verpflichtet, die Leistung so zu bewirken, wie Treu und Glauben mit Rücksicht auf die Verkehrssitte es erfordern”). По мнению германских цивилистов, речь идёт не только о правовом признании моральных норм и принципов, но и об их интеграции в объективное право. Суд в своём решении, реализуя принцип социальной справедливости, посредством правовой квалификации фактических отношений, основанных на моральном долге, устанавливает субъективные права и юридические обязанности, что даёт основание говорить об *obligatio ex societate* и рассматривать его как натуральное обязательство (см. [21, S. 206; 3, S. 254–255]).

Следует сказать, что ГГУ содержит значительное количество правовых норм, в которых правовые предписания основаны на моральных принципах (§ 534, 814, 1375, 1425, 1641, 1804, 2113, 2205, 2330 BGB).

Итак, рассмотренные основания возникновения и законодательная регламентация натуральных обязательств, доктрина и судебная практика ФРГ дают возможность выделить в настоящее время несколько подходов в понимании юридической природы натуральных обязательств:

1) натуральные обязательства в институциональной форме суть гражданско-правовые обязательства, специфика которых определяется особой связью кредитора и должника (*Anspruch – unvollkommene Verbindlichkeit*);

2) фактические отношения, основанные на моральном долге, посредством судебного акта приобретают юридическую форму, трансформируясь в правоотношения, то есть натуральные обязательства в неинституциональной форме.

Таким образом, различные формы и виды натуральных обязательств свидетельствуют о достаточно широком подходе современных германских цивилистов к пониманию сути натурального обязательства как гражданско-правового обязательства или иного правоотношения, основанного на моральном долге.

Источники

BGB – Bürgerliches Gesetzbuch. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/>, свободный.

ГГУ – Гражданское уложение Германии = Deutsches Burgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz: Вводный закон к Гражданскому уложению. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – LXXXII, 728 с.

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). –

1994. – № 32. – Ст. 3301; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 268-ФЗ // С3 РФ. – 2015. – № 29. – Ст. 4394.

InsO – Insolvenzordnung. – URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/inso/>, свободный.

BGHZ – BGH, 25.05.1955 – VI ZR 6/54 // Entscheidungen des Bundesgerichtshofs in Zivilsachen (BGHZ). – URL: https://www.jurion.de/Urteile/BGH/1955-05-25/VI-ZR-6_54?q=%20BGHZ%2017%2C%2032&suggest=1, свободный.

Литература

1. *Федотов А.Г.* Игры и пари в гражданском праве // Вестн. гражданского права. – 2011. – № 2. – С. 25–74.
2. *Федотов А.Г.* Натуральные обязательства // Вестн. гражданского права. – 2010. – № 1. – С. 79–131.
3. Schulze G. Die Naturalobligation. Rechtsfigur und Instrument des Rechtsverkehrs einst und heute – zugleich Grundlegung einer zivilrechtlichen Forderungslehre. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. – XXIX, 754 S.
4. Schapp J., Schur W. Einführung in das Bürgerliche Recht. – München: Verlag Franz Vahlen, 2007. – XVI, 272 S.
5. Hahn E. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. – Berlin: Ewald von Kleist Verlag, 2011. – 173 S.
6. Creifelds C. Rechtswörterbuch. – München: C.H. Beck, 2012. – XV, 1754 S.
7. Picker E. Der negatorische Beseitigungsanspruch. – München: Vahlen, 1989. – 275 S.
8. Lange K.W. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. – München: C.H. Beck, 2012. – 137 S.
9. Боуффал Б. Obligatio naturalis в римском праве. – Варшава: Тип. Ком. тов. С.Я. Залеский и К°, 1898. – 259 с.
10. Хвостов В.М. Натуральные обязательства по римскому праву. – М.: Унив. тип., 1898. – 516 с.
11. Василевская Л.Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву = Die Lehre von Dinglichen Rechtsgeschäften nach deutschem Recht. – М.: Статут, 2004. – 536 с.
12. Palandt O. Bürgerliches Gesetzbuch. – München: C.H. Beck, 2003. – 2894 S.
13. Василевская Л.Ю. Залог и натуральное обязательство: общее и особенное в правовых конструкциях // Юрид. мир. – 2015. – № 6. – С. 54–58.
14. Stech J. Unklagbare Ansprüche im heutigen Recht // Zeitschrift für Zivilprozess. – 1964. – Bd. 77. – S. 156–173.
15. Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестн. гражданского права. – 2011. – № 3. – С. 241–274.
16. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – Т. 1, полутом 2. – 483 с.
17. Larenz K. Allgemeiner Teil des Deutschen Bürgerlichen Rechts. – München: Vahlen, 1989. – 456 S.
18. Portmann W. Wesen und System der subjektiven Privatrechte. – Zürich: Schulthess Polygraphischer Verlag, 1996. – XXIX, 227 S.
19. Lundstedt A.V. Die Unwissenschaftlichkeit der Rechtswissenschaft. – Berlin: Rothschild, 1932. – Bd. I. – 364 S.
20. Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – М.: Статут, 2006. – Т. 2. – 411 с.

21. *Klingmüller F.* Die Lehre von der natürlichen Verbindlichkeit: Eine historisch-dogmatische Untersuchung. – Berlin: J. Guttentag Verlagsbuchhandlung, 1905. – 273 S.

Поступила в редакцию
28.01.16

Василевская Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Россия
E-mail: liudmila.vasilevskaya@gmail.com

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 2, pp. 331–347

Natural Obligations in the German Law: Problems of Definition and Interpretation

L.Yu. Vasilevskaya

O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, 125993 Russia
E-mail: liudmila.vasilevskaya@gmail.com

Received January 28, 2016

Abstract

This paper considers the features of legal construction of natural obligations in the German law and doctrine. Based on the analysis of different approaches of German civil law scholars to solving the indicated problem, the author justifies their position regarding the legal nature of natural obligations, distinguishing their main features. The paper explains why, in contrast to the classical liabilities, natural obligation is considered as “imperfect obligation” (*unvollkommene Verbindlichkeit*). Considering the structure of natural obligations, the author singles out the main elements of the right of claim (*Forderung*), by which it can be realized without judicial compulsion. The paper emphasizes that, in the absence of legislatively envisaged enumeration of grounds for occurrence of natural obligations and their types, a significant role in recognizing a legal relationship as the natural obligation belongs to the doctrine and courts. On the basis of the analysis of the doctrinal sources, two main forms of natural obligations are distinguished: institutional and non-institutional. Their features are considered. Different forms and types of natural obligations indicate a fairly broad approach of the modern German civil law scholars to understanding the essence of natural obligation as of a civil legal obligation or other legal relation based on moral responsibility.

Keywords: natural obligation, imperfect obligation, creditor, debtor, execution of obligation, protection of subjective rights, right of claim, obligations, enforcement, enforcement of fulfillment of obligation

Для цитирования: Василевская Л.Ю. Натуральные обязательства в германском праве: проблемы определения и толкования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 2. – С. 331–347.

For citation: Vasilevskaya L.Yu. Natural obligations in the German law: problems of definition and interpretation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 2, pp. 331–347. (In Russian)